

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе ФГАОУ ВО «РГГУ»

доктор исторических наук, профессор

О.В. Павленко

«4 октября 2024 г.

Отзыв ведущей организации

федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
на диссертацию Бычкова Павла Сергеевича
«Концепт политического тела в политическом и религиозно-философском дискурсе
Франции и Англии XIV–XV вв.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по научной специальности 5.6.2 «Всеобщая история»

Диссертационное исследование П.С. Бычкова посвящено актуальной и научно значимой теме. Хронологические рамки работы ограничиваются периодом Позднего Средневековья, на который пришелся пик расцвета элементов средневековой культуры и цивилизации, и, в силу его переходного к Раннему Новому времени характера, их начавшийся упадок и трансформация. Эти процессы затронули, прежде всего, сферу государственной власти, которая в данный период преодолевает свою сеньориальную природу и приобретает публично-правовые черты. Понятие государства выходит за границы представлений о личности и правлении монарха, на которых фокусировалось раньше, и начинает трактоваться расширительно – как chose publique, «дело общественное», интересы и «благо» которого становятся высшей целью всего управления. Отмеченные изменения коснулись также и общественной жизни, для которой характерным становится рост политической активности различных социальных групп, добившихся для себя права влиять на короля и его решения через участие в органах сословного представительства. Как результат этой активности были реанимированы принцип совета и согласия короля с сословиями и римская правовая норма «что касается всех, должно быть одобрено всеми», дальнейшее развитие которых привело к утверждению в XV в. идеи народного суверенитета, в противовес суверенитету короля или в обоснование его происхождения от народного суверенитета. Поскольку современных терминов «государство», «общество» и «политическое устройство» в исследуемый период не существовало, особую важность и значимость приобретал вопрос о способах и стратегиях описания и осмысливания заметно усложнившихся государственных и общественных структур. Одним из главных таких инструментов для западноевропейских авторов становятся аллегория и метафора (семьи, здания и др.), обладавшие широким диапазоном выразительных средств.

Диссертация П.С. Бычкова, которая посвящена анализу метафоры «политического тела» в английских и французских источниках XIV–XV вв., в которых она используется для характеристики «обновленных» общества и государства, удачно вписывается в данный контекст. При этом постановка научной проблемы решается в тексте по-новому: фокус исследования смешен с создателей произведений и их взглядов, что было характерно для предшествующей историографии, на бытование метафоры политического тела в культурно-историческом контексте эпохи, на путях превращения её в концепт политического тела государства, отражающий реальный процесс появления и формирования политических сословий и государственного аппарата, на исследование этого концепта как способа мышления, который, с одной стороны, организовывал и структурировал социальную действительность позднего Средневековья в авторских дискурсах, а, с другой, давал

возможность формулировать и высказывать собственные взгляды на природу государства и идеальное социальное устройство.

Актуальность исследования П.С. Бычкова обусловлена также рядом дополнительных факторов: возрастанием интереса к интеллектуальной истории и истории понятий в России и за рубежом; недостаточным вниманием медиевистов к анализу социальных метафор, которые до сих пор остаются наименее изученной областью исторического знания в сравнении с другими формами социальной рефлексии об общественном устройстве в Средние века; отсутствием в историографии работ о политико-философских сочинениях авторов XIV–XV вв., в которых используется концепт политического тела; отсутствием комплексного исследования, посвященного метафоре тела и той роли, которую она сыграла в развитии западноевропейской политико-философской мысли позднего Средневековья; междисциплинарным характером представленного исследования, которое находится на стыке двух исторических дисциплин — исторической антропологии и интеллектуальной истории. Диссертационное исследование П.С. Бычкова позволяет ответить на ряд дискуссионных вопросов в этой области и заполнить существующие лакуны современной зарубежной и отечественной историографии.

Структурное построение рецензируемой работы логично и определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, поделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Во введении присутствуют все необходимые элементы, по которым оценивается квалификационный уровень соискателя: обоснованы актуальность, географические и хронологические рамки работы, определены проблема исследования, его предмет и объект, раскрыт методологический инструментарий, сформулированы цели и задачи, приводится характеристика источников базы, историография вопроса, научная новизна и апробация исследования.

Касательно характеристики источников, представляется вполне обоснованным, что ввиду их большого количества (6 групп основных и 1 группа дополнительных) в соответствующем разделе введения диссертации П.С. Бычкова отражена только самая общая информация на этот счет — время и место создания текстов, время и место их издания, количество известных манускриптов, редакций и списков с указанием на место их хранения, наличие или отсутствие переводов, уточнения по поводу того, каким из них пользовался сам автор, и т.д. (С. 12–29). Более подробные сведения — об авторах произведений, их социальном и профессиональном положении, аудитории, источниках и пр. — перенесены в главы и параграфы (особенно наглядно — в случае с трактатами французской писательницы начала XV в. Кристины де Пизан, С. 200–212). Подчеркнем и отметим внимание докторанта к теоретической части исследуемой проблемы, вопросу терминологии и соответствующего понятийного аппарата, таким его категориям, как метафора (С. 37–39, 44–45), политическое тело (С. 38, 42), дискурс (С. 39–40, 40–41), идиома (С. 42–43, 44), терминам, обозначающим социальные и политические структуры этого времени — *regnum* (королевство), *imperium* (власть, империя), *dominium* (домен, владение), *patria* (отчество), *civitas/communitas* (город/община), *natio* (народ, нация), *ordo* (сословие, государственное и др. (С. 201).

Деление на главы строится в работе по хронологическому и тематическому принципам. В первой главе «Теологический концепт мистического/вселенского тела как прообраз политического тела в XIV–XV вв.» докторант рассматривает метафору вселенского или мистического тела Церкви в качестве одного из элементов, заложивших основу для развития концепта политического тела. Автор в деталях разбирает вопрос, связанный с эволюцией учения о мистическом теле Христа («*corpus Christi*») в учение о мистическом теле Церкви («*corpus mysticum ecclesiae*») на основе фрагментов, подчерпнутых Отцами Церкви и средневековыми богословами из апостольских посланий, которое со временем стало выражением единства и иерархичности сообщества христиан (С.

89–99). Исследуя проблему в непосредственной связи с историческим контекстом, П.С. Бычков весьма убедительно, на наш взгляд, демонстрирует, как метафора мистического тела использовалась и «работала» в конкретно-исторических условиях, по поводу тех или иных событий (Авиньонское пленение пап, конфликт церкви и государства в лице французского короля Филиппа IV Красивого и папы римского Бонифация VIII, церковная схизма или Великий западный раскол 1378–1415 гг., концилиаризм и соборное движение, возникновение национальных церквей). К ней прибегали, чтобы обосновать идею божественной природы духовной власти, которая принадлежит лишь Христу, а не папе римскому; аргументировать недопустимость церковного двоевластия — авиньонского и римского понтификов; побудить к исцелению мистического тела, страдающего от схизмы, посредством объединения и созыва церковного собора (С. 99–117). Отдельный интерес в контексте первой главы настоящего исследования представляет третий параграф «Образ вселенского тела в мифологии, философии и христианском богословии: исторические корни средневековой метафоры тела», который посвящён более широкой интерпретации мистического тела в качестве тела вселенского, панкосмического в средневековой философии и литературе (С. 117–132). Автор углубляется в истоки восприятия мира как макрокосма и находит их в индоевропейской мифологии и античной философии. Отмечая наличие подобных представлений в сочинениях Отцов Церкви и произведениях средневековых богословов (Пьера Абеляра, Жана Жерсона, Николя Орема), где образы вселенского и политического тела часто смыкаются, символизируя как космическое устройство, так и социальный порядок, соискатель заключает, что в период позднего Средневековья концепт политического тела становится предметом исключительно социальной рефлексии, отдаляясь от более абстрактных богословских и мифологических идей (С. 132–135).

В этой части исследования П.С. Бычкова напрашиваются любопытные аналогии. Например, характеризуя взгляды английского философа Уильяма Оккама (1287–1347) на папскую власть и границы ее соотношения с властью светской, автор пишет о том, что помимо прочего У. Оккам настаивал на целостности церковного имущества и отсутствии у папы римского права отчуждать церковные земли на том основании, что они принадлежат не ему, а Богу и его мистическому телу, каковым является церковь (С. 114). Во Франции в это время правят Филипп IV Красивый (1285–1314) и его преемники, при которых также начинает складываться концепция территории государства как единого и неделимого королевского домена. В годы Столетней войны этот принцип — неотчуждаемости оформляется окончательно, корона в трудах французских авторов приобретает «мистический», вневременной и абстрактный характер, король представляется временным управляющим королевством, смертным «пользователем» бессмертного королевского достоинства, у которого нет права отчуждать земли королевства, потому что они принадлежат не ему, а «мистическому телу» государства, олицетворением которого является Корона.

С концепциями концилиаризма и соборным движением в западноевропейской церкви складывается похожая ситуация. В государственной сфере эти течения буквальным образом совпали с политической активизацией сословий и их оформлением в рамках английского Парламента и французских Генеральных штатов. Более того, в начале XV в. во Франции получает распространение идея короны как коллективной собственности, к правам которой оказываются причастны не только король, дофин и принцы крови, но вообще все члены королевской фамилии, «настоящие и будущие поколения, племянники, кузены, племянницы и кузины», а также, что особенно интересно, «все три сословия Французского королевства, согласно их различным степеням и обязанностям», как об этом говорится, например, в анонимном трактате «Ответ доброго и истинного француза». В каждом из этих случаев содержится по сути одна и та же идея — соборности и единения, коллективного характера концепта власти. Думается, что работа П.С. Бычкова еще больше бы выиграла, если бы в ней дополнительно и специально проговаривались все эти

параллели, особенно в аспекте влияния метафоры «мистического тела» Церкви на становление и развитие политической метафоры.

Во второй главе «Концепт политического тела как тела государства во французском и английском политико-философском дискурсе XIV — начала XV вв.» диссертант анализирует истоки происхождения концепта политического тела в Античности, традиции его интерпретации в раннем и классическом Средневековье, последующее развитие этого образа в XIV — начале XV столетия. Применительно к Античности он отмечает два основных источника происхождения метафоры политического тела: «аристотелевский», встречающийся у Платона, Аристотеля и их толкователей, и «риторический», ведущий своё начало от басни о животе и частях тела Тита Ливия (С. 137–149). Трактат английского богослова и схоласта Иоанна Солсберийского «Поликратик» рассматривается автором как произведение, в котором эти две традиции были объединены и образ политического тела впервые приобрел свою наиболее законченную форму (С. 149–157). С опорой на широкий круг источников, среди которых следует особенно отметить весьма любопытный и интересный трактат неизвестного французского автора «Совет королям», который в представленной диссертации впервые вводится в отечественный научный оборот (С. 160–164), соискатель тщательно разбирает образ политического тела как инструмента описания и осмысливания социальной структуры государства. В результате такого анализа П.С. Бычков приходит к логичному заключению, что в источниках XIV — начала XV вв. метафора политического тела использовалась в разных контекстах, её назначение зависело от авторских интенций: она определяла социальные функции сословий и групп, служила для разграничения политического и мистического тела, объясняя таким образом независимый характер власти монарха, несмотря на притязания папы римского и церковных иерархов (С. 179–190), обосновывала иерархичную структуру общества и подчёркивала взаимосвязанность разноуровневых страт — политической элиты и подданных — внутри одного социума (С. 170–179, 190–196).

В третьей главе «Роль метафоры тела в “Книге о политическом теле” Кристины де Пизан (1406–1407 гг.)» анализируется место названного трактата в развитии концепта политического тела. Объяснения диссертанта, почему творчеству Кристины де Пизан отводится в работе отдельное место и уделяется повышенное внимание, представляются исчерпывающими — это связано с тем, что все размышления французской писательницы и даже сама структура ее произведения строятся именно вокруг концепта политического тела, в построение которого она привнесла серьезные изменения, объединившие все социальные группы и политические институты Французского королевства, благодаря чему этот концепт приобрел в ее трудах характер и значение фрейма для политико-философской теории государства (С. 200, 250–252). П.С. Бычков скрупулезно рассматривает все эти изменения и новации Кристины де Пизан, связанные с переоценкой роли монарха, главы политического тела, в государственном устройстве, который должен стремиться к «общему благу» (С. 212–227), обязанностей знати и рыцарства, основной задачей которых становится защита «общего блага» (С. 227–236), положения и функций третьего сословия, за которым признается важность участия в политическом взаимодействии с властью и которое впервые получает свою политическую субъектность в социальной иерархии политического тела (С. 236–250).

Четвертая глава диссертации «Метафора политического тела в английских и французских сочинениях XV в.» посвящена рассмотрению эволюции концепта политического тела в произведениях английских и французских интеллектуалов XV в. Подвергая детальному анализу изменения в традиции его интерпретации, автор приходит к обоснованному выводу о ключевой роли этого концепта в рождении новой европейской политической философии конца XV столетия (С. 253). Наряду с метафорой тела в рамках первого параграфа данной главы соискатель обращается к аллегории — еще одному тропу, с помощью которого в источниках этого времени описывалось Французское королевство. Концентрируясь на проблеме соотношения этих двух образов, он подчёркивает значение

аллегории с характерным для нее описанием слабости, бедственного положения и беззащитности королевства, как аргумента в пользу необходимости сильной королевской власти, тогда как метафора политического тела была призвана сформировать идеальную модель мирного и упорядоченного существования социума (С. 254–264). Продолжая эту линию – сравнений, диссертант сопоставляет метафору политического тела с другим не менее распространённым в политико-философской литературе позднего Средневековья образом — сакрального (мистического) тела короля, который был тесно связан с личностью самого монарха и символизировал его исключительные права на верховную власть (С. 264–272). Со временем он начинает транслироваться через знаки власти (корона, трон) и судебные институты (Парижский парламент), в результате чего, как успешно показано в диссертации, сакральное или мистическое тело короля в политико-юридическом дискурсе эпохи сближается с метафорой политического тела, всё чаще обозначая собой бюрократические институты, берущие на себя полномочия государя (С. 272). Применительно к социальным структурам Англии и Франции XV в. концепт политического тела, согласно мнению П.С. Бычкова, используется в нескольких качествах: аргумента против законности и допустимости восстания «частей тела» государства, недовольных верховной властью, с целью сохранения организма единым и неделимым (С. 276–278); для обоснования идеи единства и гармонии социума, в котором духовенство теряет свои исключительные позиции, становясь одним из сословий с определенными функциями и обязанностями, а третье сословие разделяется на внутренние страты крестьян и горожан, которые начинают играть значительно большую роль (С. 278–288). Глава завершается анализом образа больного, изувеченного и чудовищного тела государства, которое выступает противоположностью идеальной модели общественного устройства (С. 300–311). В данном случае нельзя не согласиться с мнением автора, что гибкость и полисемичность метафоры как инструмента позволяет использовать её не только для моделирования идеализированного образа государственного устройства, но и для создания негативных образов двоевластия, междуусобных войн, политического кризиса и др. (С. 311, 313).

В заключении к диссертационному исследованию приводятся итоговые выводы, в которых П.С. Бычков еще раз, но уже более развернуто постулирует основные положения, выносимые на защиту. Это дает нам возможность взглянуть на политическую мысль эпохи позднего Средневековья с новых позиций. В высшей степени обоснованными и особенно значимыми с учетом постановки исследовательской проблемы выглядят финальные рассуждения автора об изменениях в концепте политического тела, которое к концу XV в. становится более эгалитарным: внутри него исчезает деление на сословия, все подданные независимо от их социального статуса становятся его «частями», а верховная власть приобретает абстрактный характер, не связанный с конкретными монархами и династиями. Обнаруживая высокую степень владения исследовательским инструментарием, соискатель наглядно демонстрирует, как благодаря концепту политического тела государство обретает субъектность, а все члены социума, которые раньше действовали автономно и имели собственные функции и границы, объединяются единой целью — стремлением к «общему благу». Тенденцию, связанную с размыванием сословных различий перед лицом верховной власти легитимного монарха, диссертант прослеживает как на французском, так и на английском материале, что, по его мнению, свидетельствует о превращении рассматриваемого концепта в позднесредневековый синоним «государства», который позволяет формулировать первые политico-философские теории XV в. (С. 321–322).

В представленном диссертационном исследовании П.С. Бычков демонстрирует высокий уровень аналитической работы с материалом источников, прекрасное знание широкого круга научно-исследовательской литературы по теме на основных европейских языках, а также уверенное владение основными и специальными научно-историческими методами исследования.

Несмотря на это, наряду с отмеченными достоинствами к диссертационному исследованию П.С. Бычкова имеется и ряд замечаний.

Так, в соответствующем разделе введения недостаточно, на наш взгляд, раскрыта методология истории понятий. Соискатель лишь бегло упоминает Р. Козелека (С. 44) и данное направление исторических исследований в целом (С. 58), при этом вполне уверенно, надо сказать, пользуется этой методологией по тексту.

В настоящей работе упоминается трактат Джона Уиклифа «О Церкви» (С. 107), но ни этот трактат, ни какое-либо иное сочинение Уиклифа диссертант подробно не анализирует. Обращение к трудам Уиклифа позволило бы глубже изучить на английском материале формирование концепта политической метафоры, а также сбалансировать проявляющееся в диссертации большее внимание к французским нарративным источникам. В частности, П.С. Бычков не рассматривает трактат Уиклифа «О долге короля» (*“Tractatus de officio regis”*), хотя в этом сочинении используются яркие телесные метафоры.

В разговоре про «Книгу о политическом теле» (*“Livre du corps de police”*) Кристины де Пизан диссертант обращается к аристотелевскому термину *«politeia»*, который в английском и французском языках благодаря переводческой деятельности гуманистов закрепился в значении «манеры управления» и «политики» (С. 202, 210–211). Требуется заметить, что во французской транскрипции как *«police»* или *«policie»* он встречается не только у Кристины де Пизан. В трактате «Сон садовника», авторство которого приписывают Эврару де Тремагону, в работах Жана Жерсона, Алена Шартье и Жана Жувенала дез Юрсена также – помимо выражений *«corpus mysticum»* / *«le corps mystique»* и *«corpus politicum»* / *«le corps de police»* для обозначения социально-политического сообщества Французского королевства используются такие выражения, как *«regalis policia»* (в латинских текстах) и *«bone policie»*, *«police françoise»* (во французских). Диссертант к этому перечню, правда, одним предложением и вскользь, добавляет Николя Орема, который в трактате «О монете» писал о «королевском правлении» (*«royalle police»*), и «Сон старого пилигрима» Филиппа де Мезьера, где можно встретить такое же словосочетание (С. 211). По мнению ряда исследователей, в рассматриваемое время термин *«police»* / *«policie»* обозначал либо управление политическим сообществом, либо само политическое сообщество. Думается, что в аспекте постановки исследовательской проблемы в диссертации П.С. Бычкова – анализа метафоры «политического тела» как концепта, который сыграл значительную роль в зарождении и формировании политической философии Нового времени и с конца XVI в. укоренился в политической теории в значении «государства», стоило обратить чуть большее внимание на параллельное с *«corpus politicum»* / *«le corps de police»* существование и употребление самостоятельного, без связи с метафорой тела термина *«police»* / *«policie»*.

В рецензируемой диссертационной работе практически никак не объясняется момент, связанный с изменением органов тела, представляющих монарха и его власть – почему этим органом называется то голова, то сердце (у Николя Орема), то душа (в работах Жана Жувенала дез Юрсена). Что касается сердца как метафорического центра политического тела, пришедшего на смену голове и занявшего ведущие позиции в «теле» государства, то по мнению, например, Ж. Ле Гоффа, это положение отражало эволюцию монархического устройства. Вертикальная иерархия, которую символизировала голова, в период правления Филиппа IV Красивого, когда связанные с телом метафоры начинают использоваться в политических целях, отступила на второй план. На первое место вышла централизация, которую проводил король, поэтому аллегорическим образом складывающегося государства становится именно сердце – главный, преобладающий орган, который обеспечивает все остальные части тела кровью, вдыхает в них жизнь. «Оно расположено в середине груди, – писал о сердце придворный врач Филиппа IV Генрих де Мондевиль, – подобно тому, как король пребывает посреди своего королевства». Было бы интересным, на наш взгляд, увязать все остальные изменения и «перестановки» органов

государственного «тела» с конкретными трансформациями в историческом контексте и эволюцией монархической идеи и устройства.

При анализе визуальных источников диссертант не всегда даёт объяснение относительно их выбора. Это, в частности, касается фрески Лоренцетти в Палаццо Публико в Сиене (С. 302–303). В диссертации совершенно верно говорится, что изображение фрески Лоренцетти напоминает образы в сочинении Иоанна Солсберийского. Подкрепить эту параллель и выбор фрески для анализа мог бы тот факт, что в XIV в. сочинение Иоанна Солсберийского часто цитировали итальянские юристы, например, Гильельмо да Постренго (1290–1362) в Вероне и Лука да Пенна (ок. 1325 – ок. 1390) в Неаполе, с чьими работами мог быть знаком Лоренцетти.

Наконец, имело бы смысл, как нам кажется, чуть подробнее сказать о метафоре тела в качестве инструмента описания формирующихся наций – английской и французской. В представленной диссертации упор сделан на осмысление авторами при помощи телесной метафоры меняющихся государственных и общественных институтов с точки зрения их диалога и взаимодействия друг с другом в целях лучшего осуществления власти и управления обществом, то есть на политические структуры. Между тем, эпоха Позднего Средневековья, особенно XV столетие – это время образования национальных монархий. Хотелось бы чуть больше услышать о влиянии процессов, связанных с рождением наций в Англии и Франции, на формирование концепта «мистического тела» государства.

Вместе с тем высказанные замечания нисколько не снижают ценности и общего высокого уровня диссертационного исследования П.С. Бычкова. Большая их часть имеет характер пожеланий и рекомендаций на будущее, касается частных сюжетов и не влияет на основные выводы и наблюдения автора. Результаты, полученные диссидентом, представляются корректными и обоснованными и могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения истории общества и государства Западной Европы XIV–XV вв., а также при подготовке и чтении учебных курсов по истории Средних веков и Раннего Нового времени.

Текст автореферата соответствует содержанию диссертации и отвечает всем требованиям, предъявляемым ВАК к данной форме работы. Основные идеи и результаты диссертационного исследования прошли достаточную апробацию в выступлениях автора на 9 международных и всероссийских научных конференциях, а также отражены в опубликованных диссидентом 7 научных статьях. Четыре из них опубликованы в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий ВАК.

Диссертация Бычкова Павла Сергеевича представляет собой самостоятельное и завершенное научное исследование, соответствует паспорту научной специальности 5.6.2 «Всеобщая история», отвечает требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

Текст отзыва составлен Бароне Викторией Александровной, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры всеобщей истории, обсужден и принят на заседании кафедры всеобщей истории исторического факультета Историко-архивного института РГГУ «9» октября 2024 г., протокол № 6.

Заведующий кафедрой всеобщей истории
кандидат исторических наук, доцент

П.Н. Лебедев

09.10.2024
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
тел.: +7 (495) 250-61-18; эл. почта: rsuh@rsuh.ru

